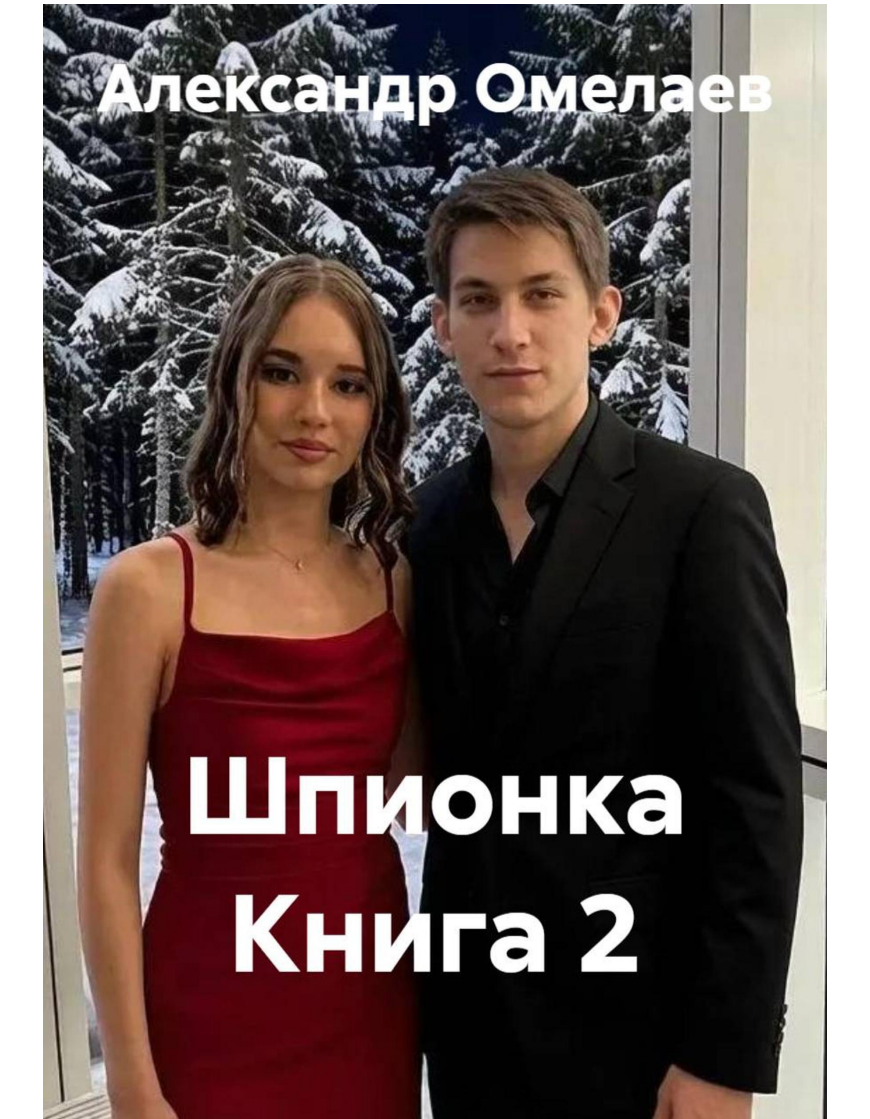

A young man and woman are standing together in front of a large window. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a red, sleeveless, form-fitting dress. The man, on the right, has short brown hair and is wearing a black suit jacket over a black shirt. They are both looking directly at the camera. The background outside the window is a dense forest of evergreen trees heavily covered in snow, suggesting a winter setting.

Александр Омелаев

**Шпионка
Книга 2**

Александр Омелаев

Шпионка Книга 2

<https://litres.ru/74623158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саша Максимова — талантливый математик, выросшая в семье сибирских учёных. Блестяще окончив мехмат Томского университета и криптографический факультет Академии ФСБ, столкнулась с суровой реальностью: высший допуск к гостайне навсегда закрыл её талант в душных стенах Лубянки и СВР. Разочаровавшись в серой шпионской криптографии, ради настоящей науки, Саша совершает дерзкий побег в Сибирь. Вся государственная машина спецслужб объявлена в ружьё — носитель секретов и шифров растворился в неизвестности. Пока генералы ФСБ и Моссада устраивают хаос от Вены до Новосибирска, а нелегалы Бауманцы Света и Вера попадают в замес банд Хамаса в Израиле, Саша укрывается у родителей и у своего легендарного деда — Александра Максимова, соратника Автора по КАИ и ИТПМ в Академгородке. Они думают, что ловят беглого предателя, не зная, что вся их шпионская история — это виртуальная реальность, послушно бегущая за курсором Автора-Дemiурга, пишущего эту удивительную историю в Геленджике.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Шпионка Книга 2

Глава

Шпионка Книга 2

Александр Омелаев

Содержание

1. 48 часов до Первого 3
- 2 Реальность и иллюзии Автора 6
3. Зеркало для Демиурга 10
4. Московский узел Бауманцев 12
5. Сибирские зеркала и геленджикский затворник 15
6. Геополитический доклад Власовой 17
7. Теорема Саши Максимовой 20
8. Формула операции – «Беглец» 22
9. Узел реальности и иллюзий: Вена – Академгородок 25
10. Код искренности на Морском Проспекте 32
11. Вертикаль квартиры Демиурга 34
12. Овальный кабинет и голограмма Автора 36
13. Сибирский резонанс и квартира №20 38

- 14. Гараж за ИЯФ 40
- 15. Мужской гаражный Манифест 42
- 16. Наследство Академиков 44
- 17. Гром и молнии над Лубянкой 48
- 18. Поиск стрелочника 50
- 19. Анатомия шпионского соблазнения 54
- 20. Фактор РАФАР 56
- 21. Паритет иммунитета 58
- 22. Разборки в высоких кабинетах 59
- 23. Кровавый замес 64
- 23. Эпилог 82

1. 48 часов до Первого

«Реальность — это лишь иллюзия, хотя и очень настойчивая».

«Логика доведёт вас от пункта А до пункта Б. Воображение доставит вас куда угодно». — **Альберт Эйнштейн.**

Москва. Лубянка. Если бы в кабинете директора ФСБ на Лубянке в этот момент находился гражданский, он бы наверняка оглох от тишины. Но тишина эта была не мирной, а предвзрывной, густой и пахнущей дорогим табаком, остывшим кофе и чистым, концентрированным адреналином.

За массивным столом сидели двое. Директор ФСБ и Директор СВР. Два руководителя мощнейших спецслужб ве-

ликой державы сейчас подозрительно напоминали школьников, которые случайно взорвали кабинет химии и теперь судорожно соображали, как объяснить директору школы, куда делся физрук.

До часа «Х» оставалось ровно сорок восемь часа. Через это время, согласно Протоколу особой важности, папка с грифом «Красная лента» должна была лечь на стол Президенту. А в папке — чистый лист. Ни одной зацепки.

— То есть, ты хочешь сказать, Егор Платонович, — Директор СВР аккуратно, кончиками пальцев, подвинул к себе чашку с остывшим эспрессо, — что твои орлы, контролирующие каждый чих в этой первопрестольной, проспали девчонку? Хрупкую барышню двадцати пяти лет от роду?

Директор ФСБ медленно поднял взгляд. Если бы взглядом можно было прожигать бронежилеты пятого класса защиты, от его коллеги осталась бы горстка пепла.

— Мои орлы, Саша, перерыли Москву до магмы, — тихо, но отдельно произнёс он. — А вот как твои «гении аналитики» умудрились завязать на одного криптографа коды доступа к архивам нелегалов как в США, так и в Южной Америке — это вопрос, который я задам тебе на пенсии. Если мы до неё, конечно, доживём.

Объект их обоюдной головной боли звали **Максимова Александра Ильинична**. Сашенька. Двадцать пять лет. Гордость Новосибирского Академгородка, золотая медалистка, ходячий калькулятор и гений высшей математи-

ки. Родители — потомственные шизофреники от науки, до сих пор вычисляющие чёрные дыры в Институте математики Сибирского отделения РАН. Сама Саша в 2020-м играючи окончила мехмат Томского Университета, а в 2024-м — ИКСИ, Академию ФСБ.

Она была идеальным гибридом. ФСБ дало ей статус и допуск, СВР — практические задачи по шифрованию документов и донесений зарубежной агентуры. Сашенька знала столько, что её мозг стоил дороже, чем весь годовой бюджет какого-нибудь небольшого европейского государства. И два дня назад этот мозг просто... выключился из сети.

— Что по её квартире? — вздохнул Директор СВР, понимая, что топить друг друга уже поздно — лодка-то одна.

— А по квартире у нас торжество советского урбанизма, — ФСБшник горько усмехнулся и бросил на стол планшет. — Спальный район. Окраина. Старая пятиэтажная хрущёвка, зажатая между промзоной и глухим парком. Камеры «Безопасного города»? Нет, не слышали. Программа реновации туда ещё не дошла, зато дошли коммунальщики, которые три месяца назад срезали единственную камеру на подъезде «за неуплату». Я лично найду этого ЖЭКовского гения и отправлю его охранять белых медведей. Во дворе — тень, на соседних улицах — фонари через один. Ни одного совпадения по системе распознавания лиц во всем округе. Она жила в «чёрной дыре», Саша. Сознательно?

— Связи? Мужчины? Подруги? Твиттер, прости господи?

— Анкета чистая, как слеза младенца. Никаких замеченных связей. В графе «личная жизнь» — глухо, как в танке. Подруг нет, потому что с ней нормальным людям скучно — она с детства разговаривает на языке интегралов. На самолёт, поезд, автобус, речной трамвайчик — билетов не покупала. Границу не пересекала. Паспортный контроль во всех аэропортах вывернут наизнанку. На камерах вокзалов её нет.

Директор СВР встал, подошёл к окну и посмотрел на вечернюю Москву. Город сверкал миллионами огней, жил своей шумной жизнью, и где-то там, в этих каменных джунглях, растворился человек-ключ от всех их секретов.

— Девочка из приличной профессорской семьи, — пробормотал он. — За границей ни разу не была. В порочащих связях не замечена. Родина дала ей всё. И она так с нами поступает... Как она ушла, Егор? Сквозь землю провалилась?

— Хуже, — тихо ответил Директор ФСБ. — Она ушла профессионально. Как будто её к этому готовили не у нас, а в каком-нибудь секретном бункере МИ-6 с пяти лет. Но её там не могли готовить. Она наша от макушки до пяток. И если через сорок восемь часов мы не положим на стол Первому хотя бы её след... Саша, мы с тобой пойдем командовать отрядами военизированной охраны на дальних рубежах.

В этот момент на столе зажужжал телефон спецсвязи. Оба директора вздрогнули. Звук показался им выстрелом в упор.

Директор ФСБ снял трубку, послушал ровно три секунды, побледнел ещё на один тон и медленно опустил её на рычаг.

— Нашли? — с надеждой спросил СВРщик.

— Нет, — Егор Платонович посмотрел на коллегу глазами человека, который только что узнал цену своих похорон. — В её квартире закончили обыск. Эксперты перевернули каждый плинтус. Знаешь, что они нашли под матрасом?

— Шифр? Записку?

— Книгу. Обычный детективный роман, изданный на Литрес. Автор — какой-то Александр Омелаев. Называется «Шпионка». А на форзаце её рукой написано: *«Глава десятая и одиннадцатая. Практическое занятие»*. Она издевается над нами, Саша. Она написала свой уход по сценарию какой-то книжки...

Сутки до Первого. Фамилия «Власова» подействовала на Директора СВР как разряд дефибриллятора. Он резко обернулся от окна, едва не пролив остатки эспresso на дорогой ковер.

— Власова? Виктория Михайловна? Ты призвал её? — в голосе хозяина Ясенево послышались нотки искреннего, почти детского испуга. — Егор, ты с ума сошёл? Она же... непредсказуема, как тринитротолуол в микроволновке!

— А у тебя есть другие варианты, Саша? — Директор ФСБ устало потёр переносицу. — Нам нужен не просто опер, который умеет крутить руки в подворотнях. Нам нужен мозг, способный залезть в голову гениальной девчонки-шифровальщицы. Власова её учила анализу в Академии. Кому, как не профессору, ловить свою лучшую студентку?

Бэкграунд у Виктории Михайловны Власовой был такой, что в отделе кадров на её личное дело до сих пор ставили чашку с чаем исключительно дрожащими руками. Тридцать три года. Из них двенадцать — стаж работы в самом сердце американской разведки, в Лэнгли. Как именно Власова оказалась в Штатах, и какими путями СВР выковыривала её обратно на Родину — составляло отдельную государственную тайну за семью печатями. Сейчас она официально числилась профессором, преподавала аналитику в ИКСИ Академии ФСБ и считалась главным кошмаром для курсантов. Завалить зачёт у Власовой было так же просто, как получить инфаркт на полосе препятствий.

Ей позвонили со спецкоммутатора ровно в три часа ночи. В четыре ноль-ноль чёрный тонированный «Аурус» уже вез её на Лубянку.

Когда двери кабинета открылись, Виктория Михайловна вошла лёгкой, почти летящей походкой, совершенно не гармонирующей с предрасстрельной атмосферой помещения. На ней был строгий, безупречно сидящий брючный костюм, а в руках она держала ту самую раскрытую книгу Александра Омелаева, изъятую из квартиры беглянки. На вид Власовой нельзя было дать больше тридцати, но в её холодных, пугающе пронизательных глазах светился опыт трёх разведок мира.

— Доброй ночи, товарищи генералы, — иронично улыбнулась Виктория, даже не подумав козырнуть или вытянуть-

ся во фрунт. — Или уже не доброй? Судя по вашим лицам, бюджет на наши похороны уже утверждён, осталось выбрать цвет венков.

— Виктория Михайловна, — официально начал Директор ФСБ, но тут же сбился на доверительный тон. — Вика, брось свои штучки. У нас ЧП космического масштаба. Пропала Максимова. Два дня назад. Сашенька. Твоя любимица.

Власова не удивилась. Она лишь аккуратно положила книгу на стол прямо перед директорами и села в свободное кресло, элегантно закинув ногу на ногу.

— Я знаю, Егор Юрьевич. Я прочитала оперативный рапорт в машине. И книгу этого... Омелаева тоже успела пролистать по дороге. Благо, слог лёгкий, а сюжет мне до боли знаком.

— Знаком? — прищурился Директор СВР. — Откуда?

— Оттуда, Александр Евгеньевич, — Власова постучала тонкими пальцами по обложке. — Его книга «Шпионка» — это детальное, пошаговое, с точностью до деталей и даже каждой запятой всех шифровок описание нашей недавней совместной операции ФСБ СВР операции под кодовым шифром «Студентка», в которой я совместно нашими лучшими нелегалами Светланой и Ильёй лично принимала участие. Автор замаскировал это описание под художественный вымысел. Написано так, будто автор сидел у каждого из нас в голове. Или... будто мы сами надиктовали ему этот текст. Только вот какая незадача — книга «Шпионка» написана и

опубликована на Литрес за полгода до начала этой операции! Мне нужно подробнее изучить этот талмуд, тогда я на закрытой коллегии сделаю аналитический доклад. Сейчас выводы делать рано, я пока ознакомилась с книгой очень поверхностно. По поводу выделенных 10 и 11 Глав книги Сашей, думаю надо рассматривать этот факт под двумя разными углами зрения – либо она намекает на то, каким образом она скрылась, либо направляет нас по ложному следу. Вы ведь проверили автора?

Директор ФСБ кивнул подчинённому у двери, и тот мгновенно положил перед Власовой тонкую папку:

— Омелаев Александр. Гражданский. Писатель-беллетрист. Живёт в Геленджике, пишет шпионские романы, пьет крымское вино, в связях с иностранными разведками не замечен. В Москве не был тридцать три года. С Максимовой не пересекался ни разу в жизни, даже в соцсетях.

— Значит, совпадение? — буркнул СВРщик.

— В аналитике нет слова «совпадение», — жёстко отрезала Власова. — Есть слово «закономерность». Саша Максимова — ментальный абсолют. Она не делает ничего просто так. Если она оставила эту книгу под матрасом с надписью: «Практическое занятие», значит, Книга — это наш единственный учебник. Она играет с нами. И, судя по всему, правила этой игры написаны на этих страницах.

Виктория Михайловна открыла книгу на десятой главе,

где маркером были аккуратно подчеркнуты несколько строчек.

— Вы ищите её по вокзалам и аэропортам, — Власова подняла взгляд на директоров, и в её глазах вспыхнул азарт хищника, почуявшего след. — Вы проверяете камеры распознавания лиц. А девочка, между прочим, сдала мне зачёт по теме «Партизанский маркетинг в условиях тотального цифрового контроля» на отлично. Вполне возможно, что наша Сашенька никуда и не уезжала из Москвы. Она здесь. И она ждёт, пока мы расшифруем её первый ход.

— И какой первый ход? — в один голос спросили оба руководителя ведомств, подавшись вперед.

Власова захлопнула книгу с сухим щелчком.

— Первый ход, господа генералы — это понять, кто такой Александр Омелаев на самом деле, и почему сюжет его романа «Шпионка» начал сбываться в реальной жизни спустя полгода после того, как книга появилась на Литресе...

2. Реальность и иллюзии автора

Аналитический центр ФСБ. Кабинет Вероники Власовой. Вероника Власова, главный аналитик ФСБ с двенадцатью годами оперативного стажа в Лэнгли, Брюсселе и Шанхае, никогда не верила в мистику. Она верила в матрицы констант, системный анализ и сухие факты. Но то, что происходило в последние сорок минут в служебном кабинете на Лубянке, заставило её пальцы, держащие сигарету, едва за-

метно дрогнуть. На рабочем столе, поверх секретных папок «Дела по розыску криптографа А. И. Максимовой», лежала обычная книга в мягкой обложке, купленная на Литрес. Книга 1, «Шпионка». Та самая, которую беглая Саша оставила под матрасом на конспиративной квартире перед тем, как окончательно раствориться в воздухе. Рядом лежала записка, оставленная ею на своём рабочем столе, написанная Сашиной рукой: *«Ника, Света, полистайте главы 10 и 11. Поймёте, как Света уходила. И вообще — почитайте внимательно все книги серии Сиф»*.

Вероника перелистнула страницу. Светлана, сидевшая напротив неё, напряжённо всматривалась в бледное лицо аналитика.

— Ника, что там? Ты бледная как мел.

— Света... — Вероника сглотнула сухой комок. — Это не просто книга. Это протокол. Смотри сюда. Глава пятая. Твой провал в Арлингтоне. Помнишь шифровку от тринадцатого марта?

— Помню, — нахмурилась Света. — Усечённый код, замена третьего маркера на точку с запятой. Об этом знали только трое: я, ты и шифровальщик в Центре.

— Смотри в текст, — Вероника ткнула безупречным ногтем в печатные строчки. — *«...и тогда Света выставила*

маркер: точка, затем запятая, ломая стандартный алгоритм АНБ...» С точностью до знака! Но это еще ладно. Вот здесь, на сорок второй странице. Наш разговор в курилке брюссельской резидентуры. Твоя фраза про бельгийское пиво и дурака-куратора из МИДа. Дословно. Света, этот автор... этот Александр Омелаев... Он зафиксировал наши жизни до того, как мы их прожили? Или он сидел у нас на плече?

Светлана резко вырвала книгу, вчитываясь в строчки. По её спине пробежал мороз. Книга «Шпионка», написанная каким-то глубоким пенсионером на веранде в Геленджике, с абсолютной, стопроцентной точностью описывала их глубоко засекреченные, стёртые из всех баз данных жизни нелегалов.

— Это шок, — прошептала Света. — Но это и зацепка. Саша поняла это раньше нас. Она поняла, что вся наша шпионская история велась и оберегалась кем-то третьим. Омелаев! Нам нужно в Сибирь. Саша поехала к родителям в Академгородок, она ищет архивы истоков Автора, он ведь приехал в Геленджик от туда... Если мы её найдем, мы проясним ситуацию...

Аналитический центр ФСБ гудел, как потревоженный улей, но в стеклянном кабинете Виктории Михайловны Власовой царил ледяная сосредоточенность. На огромном интерактивном экране были выведены две схемы. Слева — личное дело Максимовой Александры Ильиничны. Справа

— досье на писателя Александра Омелаева. На другом экране ещё две схемы. Слева главы романа «Шпионка», а справа пошаговое описание операции «Студентка».

Между ними Власова лично провела жирную красную линию, в центре которой красовался большой вопросительный знак.

В кабинет без стука вошёл Директор ФСБ. Вид у него был такой, будто он не спал последнюю пятилетку.

— Вика, до доклада Первому двадцать шесть часов. Оперативники в Геленджике уже караулят Омелаева у подъезда его дома. Брать?

— Ни в коем случае, Егор Юрьевич, — не оборачиваясь, ответила Власова. Она приближала на экране архивные документы, датированные еще советскими годами. — Ваши костоломы только напугают человека, который сам не понимает, чем владеет. Омелаев — не шпион. Он не агент МИ-6 и не резидент ЦРУ. Всё гораздо интереснее. И страшнее для нашей материалистической науки.

Директор ФСБ тяжело опустился на стул.

— Не темни, Власова. Какая наука? Девчонка унесла шифры половины нашей американской сети?

— Посмотрите сюда, — Виктория повернулась, её глаза азартно блеснули. — Я заставила компьютер поднять архивы Новосибирского Академгородка и сравнить их с метриками

Максимовой. Родители Саши — математики высшего эшелона. Но я посмотрела глубже. Родословную автора книги, Александра Омелаева. Его отец, Иван Александрович Омелаев. Обладал феноменальной, не поддающейся логике интуицией. В узких кругах поговаривали, что он мог буквально считывать биополе человека и лечить руками. А его мать, бабушка писателя — Ефимия... о, про неё в сибирских деревнях до сих пор легенды ходят. Ментальный уникам. Могла предсказывать события, видела людей насквозь.

— Ты подсовываешь мне мистику вместо оперативной работы? — нахмурился Директор.

— Это не мистика, Егор Юрьевич, это квантовая генетика, которую в Лэнгли изучали еще в восьмидесятых в рамках проекта «Звёздные врата», — жёстко отрезала Власова. — Гены Ефимии передались Александру. Он думает, что просто пишет «крутые шпионские триллеры». Ловит музу, пьёт вино на берегу Чёрного моря и стучит по клавишам. Но на самом деле его мозг, благодаря наследственности, работает как био-транслятор. Он подключился к ментальному полю Саши Максимовой. Он транслирует её мысли, её планы и её шаги прямо в свои тексты! На Литрес уже опубликована вторая книга «Шпионка», но странным образом. На сегодня для чтения доступна только первая глава этой книги. Остальные, как указано в примечании, будут появляться в соответствии с сюжетом Реальности. Смотрите первую главу – там описаны подробно, пошагово все наши действия и разговоры, с

точностью до каждого слова. Можете проверить сами, если хоть что-то ещё помните за последние свои 22 часа прошедшие с момента обнаружения пропажи нашего сотрудника. А эта, вторая книга и её первая глава были доступны на Литрес для читателей ещё за неделю до пропажи Саши.

В кабинете повисла звенящая тишина. Слышно было только, как тихо жужжат кулеры серверов.

— То есть... — Директор ФСБ медленно переваривал информацию. — Ты хочешь сказать, что наша гениальная шифровальщица знала об этом?

— Саша — математический гений. Она просчитала существование этого ментального канала, — Власова победоносно улыбнулась и постучала пальцем по обложке «Шпионки». — Она поняла, что в мире есть человек, который подсознательно записывает её жизнь за шаг до того, как этот шаг будет сделан. Она специально нашла его книгу на Литрес. Оставила её под матрасом как подсказку для меня. Мол, «Профессор, вы же учили меня анализу? Вот вам прямая трансляция из моей головы. Читайте книги Омелаева».

— И что пишет Омелаев в первой главе второй книги? Где Александра? В первой главе второй книги Шпионка, Автор подробно описывает все наши действия и разговоры с подробностями за последние 22 часа. При этом, как я уже вам сказала, эта глава опубликована на Литрес неделю назад!

Виктория Михайловна открыла финал первой главы и хитро прищурилась:

— В финале первой главы героиня исчезает, чтобы «начать игру с чистого листа в городе, где сходятся все дороги». Для Саши Максимовой, выросшей в Академгородке, такой город — не Москва. И не Геленджик.

Власова резко развернула экран, на котором вспыхнула карта России со светящейся точкой прямо в центре Сибири.

— Она, по-видимому, возвращается на родину, Егор Юрьевич. В Новосибирск. Саша сейчас там. И чтобы понять, что она сделает в следующую секунду, нам нужно не пытаться писателя в Геленджике... Нам нужно заставить, а лучше вежливо попросить Александра Омелаева немедленно опубликовать Вторую главу книги. Потому что его пальцы на клавиатуре сейчас управляют её маршрутом!

Директор СВР, который только что вошёл в кабинет с расстёгнутым воротником рубашки, тяжело опустился на край стола.

— Подожди, Власова, — его голос стал подозрительно тихим. — Ты сказала, Александр Омелаев? Тот самый, что пишет книжки в Геленджике?

— Да, Александр Евгеньевич.

— Омелаев... Омелаев... — Директор СВР зажмурился, судорожно перебирая в голове картотеку своей феноменальной памяти. — Мать твою! Да это же Омелаев из ИТПМ! Тридцать лет стажа в Институте теоретической и прикладной механики Сибирского отделения!

Директор ФСБ резко выпрямился:

— Саша, ты о чём? Он же по нашим базам проходит как чистый гражданский беллетрист. Мы несколько лет тому назад прошерстили этот институт от подвалов до чердаков, и даже выявили несколько сотрудников – агентов – нелегалов...

— Это он сейчас беллетрист! — СВРщик со злостью стукнул кулаком по ладони. — А до своего «творческого отпуска» в Геленджике этот человек тридцать лет, до 1995 года, считал аэродинамику для трансзвука и гиперзвука! Все наши перспективные изделия, всё, что сейчас летает на скоростях выше пяти махов и ставит в тупик американскую ПВО, прошло через его формулы! У него алтайские корни, там дед и отец — крепкие шаманы от природы, а сам он — специалист прикладной физики. Он знает половину старой гвардии в Новосибирском Академгородке. Да он деда и бабушку Сашеньки Максимовой, небось, на общих академических банкетах за руку держал!

Виктория Власова победоносно щёлкнула пальцами. Её теория выстроилась в безупречную, монолитную конструкцию.

— Вот вам и ответ, господа генералы, — глаза профессора аналитики горели чистым восторгом. — Круг замкнулся. Саша Максимова не просто нашла случайного автора на Литрес. Она искала человека своего круга. Ментально сов-

местимого. Из той же сибирской породы, где высокая наука переплетена со скрытыми резервами человеческой психики.

— И что это меняет? — ФСБшник мрачно посмотрел на карту Сибири.

— Это меняет всё, — Власова подошла к экрану. — Омелаев не просто пассивный транслятор. Его мозг — это мощнейший суперкомпьютер, воспитанный на расчётах гиперзвуковых потоков. Когда Саша строит свои криптографические цепочки, она подсознательно использует его «вычислительную мощность». Они работают в паре, понимаете? Как два квантовых процессора на одной частоте. И если Саша сейчас в Новосибирске, в старых лабораториях ИТПМ или ИМ СО РАН, то Омелаев в Геленджике прямо сейчас чувствует каждый её шаг. И, скорее всего, уже начал писать вторую главу второй книги, а ещё вернее, он её уже написал, и она ждёт час своего опубликования.

Директор ФСБ схватился за трубку правительственной связи.

— Срочно. Спецборт до Геленджика. Власова, летишь лично. Никакого давления, никаких наручников. Омелаев — наш единственный шанс. Вы должны сесть с ним рядом и читать то, что он пишет, прямо с экрана его ноутбука. А в это время аналитический отдел пусть срочно и день, и ночь изучает от корок до корок все книги этого «Автора». Такой позывной мы ему присваиваем.

Научно-фантастическая Серия «Сиф» — это похоже тоже не просто выдумка, а **завуалированная, переданная через художественный текст реальность**. Видимо сбежавший наш сотрудник Саша поняла, что космические технологии и ИИ «Адам», описанные этим «Автором» существуют на самом деле, и он в серии Сиф оставил к ним ключи в своих книгах на Литрес! А ты, Вероника, по возвращении делаешь нам на Коллегии объёмный доклад, что за чертовщина такая творится у нас в ведомствах, когда какой-то Автор подробно в мелочах описывает наши тайные нелегальные операции за рубежом ещё за полгода до их начала.

— А вы купите ему хорошего крымского вина, Егор Юрьевич, — улыбнулась Власова, накидывая на плечи элегантное пальто. — Музу гиперзвукового масштаба нельзя пугать спецназом. Её нужно правильно стимулировать.

3. Зеркало для Демиурга

Москва. Мичуринский проспект. Академия ФСБ. Кабинет профессора аналитики Власовой напоминал операционную: ничего лишнего, только холодный свет мониторов и идеальный порядок. Виктория Михайловна не спала тридцать шесть часов, но её взгляд оставался пугающе сфокусированным — сказывалась двенадцатилетняя закалка в Лэнгли.

На левом экране висело личное дело беглянки, 25-летней Саши Максимовой. На правом — открытая страница платформы Литрес с десятью обложками и перечней глав научно-фантастической «Серии Сиф». На отдельном экране текст Книги «Шпионка», а рядом пошаговое описание операции «Студентка».

Виктория сделала глоток остывшего чёрного кофе и нажала клавишу. Программа семантического анализа выдала результат. Текст книги «Шпионка» соответствовал реальному описанию операции «Студентка» на 99%. А строки аннотаций к фантастическим романам начали подсвечиваться красным. Это был не просто текст. На третьем экране заполнена была только первая половина, там был распечатан текст первой главы второй книги «Шпионка», вторая половина была пустой. Никакой информации о пропавшей сотруднице у них не было...

Заседание объединенной коллегии ФСБ и СВР проходило в режиме «Особой важности». В подземном бункере Лубянки пахло дорогим парфюмом, корвалолом и остывшим кофе. За длинным столом из морёного дуба сидели седые генералы, привыкшие управлять судьбами мира щелчком пальцев. Но сейчас на их лицах читалась глухая, злая растерянность.

У трибуны стояла профессор Вероника Власова. Её идеальный синий костюм казался броней, но пальцы, сжимавшие лазерную указку, слегка подрагивали. Она была на гра-

ни срыва — три ночи без сна, наедине с текстами Омелаева, ломали её безупречную логику.

— Товарищи генералы, — Вероника обвела зал усталым взглядом. — Забудьте всё, чему вас учили в Академии. Мы ищем не просто сбежавшего криптографа Максимову. Мы столкнулись с феноменом, который не лезет ни в один устав. Перед вами — материалы расследования нашего аналитического отдела по делам «Студентка», «Беглец», книги «Шпионка» и научно-фантастической «Серии Сиф» гражданина Омелаева.

Экран за её спиной вспыхнул. Поползли сравнительные таблицы: слева — секретные логи операции «Студентка» СВР пятилетней давности, справа — цитаты из художественного романа «Шпионка» 81-летнего пенсионера из Геленджика. Совпадения — от 89 до 100 процентов. Вплоть до междометий шифровок и марок сигарет, которые курили в курилках сотрудники Пентагона и Лэнгли.

— Это как понимать, Вероника Михайловна? — хмуро баском прервал её хозяин кабинета, генерал-полковник с тяжёлыми надбровными дугами. — Старик из Краснодарского края сливал наши шифры в сеть под видом фантастики? У нас крот?

— Если бы крот, товарищ генерал-полковник, я бы сейчас не пила успокоительное горстями! — Вероника сорвалась на резкий, почти истерический полушёпот, отчего в зале воцарилась гробовая тишина. — Крот записывает то, что *было*.

А этот... этот чёртов Демиург Омелаев пишет то, что *будет!* Или диктует ход наших операций в реальном времени. Либо он сам — этот самый ИИ «Адам», либо за ним стоят технологии, которые делают всю нашу земную спутниковую группировку кучей металлолома. Земляне так не мыслят!

Она сделала судорожный глоток воды. Стекланный стакан звякнул о трибуну.

— Мой главный вывод: ни в коем случае не вступать с автором в прямой *контакт*. Никаких групп захвата. Никаких «вежливых людей» в Геленджике. Вы забыли, что случилось с бандой, которая три года назад рискнула похитить его сына? Напомнить? Двое до сих пор сидят в спецпсихушке, пускают слюни и ментально находятся в возрасте шестилетних детей. Накакали в штаны и просят маму. Старик Омелаев лёгким ментальным щелчком откатывает сознание любого штурмовика до уровня детсада. Вы хотите отправить к нему Альфу, чтобы они там в кубики начали играть на пляже?

Генералы переглянулись. Кто-то нервно поправил галстук.

— Что предлагаешь? — тихо спросил представитель СВР.

— Работать строго от обороны. Действовать через прошлое, где он ещё не был защищён «Адамом». Нам нужно поднять архивы Сибирского отделения Академии наук. Всю мистику и физику СО АН СССР. Начиная с работ академика Влаиля Казначеева по сверхслабым излучениям, гидродинамику Михаила Лаврентьева и, главное — Зеркала Козырева.

Я уверена, что Сашенька Максимова сбежала именно туда, в эту ментальную матрицу. Нам нужно понять физику его дара, прежде чем мы двинемся за ней.

Вероника перевела дух, её голос снова обрёл стальную, аналитическую сухость:

— По Протоколу безопасности, учитывая, что прямой угрозы ядерного или тектонического удара прямо сейчас нет, а у нас в руках появился первый осязаемый хвостик расследования — мы имеем право отсрочить доклад Первому на 10 суток. За это время мы обязаны выстроить защиту от ментального удара профессора. Иначе на доклад к Президенту вместо коллегии ФСБ пойдёт средняя группа детского сада номер пять. У меня всё.

В бункере повисла тяжёлая, звенящая тишина. Хвостик ниточки был найден, но вёл он прямиком в сибирское научно-мистическое пекло Академгородка Новосибирска.

4. Сибирский узел Бауманцев

Закрытый аналитический центр СВР на окраине Москвы. В этой неприметной двухэтажке, замаскированной под офис логистической компании, ковалась оперативная мысль группы «нелегалов». Вероника, получив от коллегии карт-бланш и те самые 10 суток доклада Первому, собрала тех, кому доверяла как себе.

За столом сидели её подруга детства Светлана и её муж, гениальный математик-аналитик Илья, способный разло-

жить любой хаос в стройную систему уравнений. Он сидел чуть поодаль, лениво подбрасывая в руке тяжёлую зажигалку. Илья — полевой агент-нелегал, прошедший огонь и воду, чье лицо стёрлось из всех баз данных Интерпола.

В углу, окружённый тремя кастомными мониторами, шумел системными блоками Пашка — бывший хакер, со-группник Светланы по Бауманке. Именно Пашка обеспечивал группе абсолютную цифровую невидимость, глушил спутники и ломал шифры, которые обычные аналитики Лубянки ковыряли месяцами.

— Итак, команда, — Вероника вывела на центральный экран архивную чёрно-белую фотографию 1982 года. — Наша цель — Александр Омелаев. Но мы заходим не со стороны его нынешнего дома в Геленджике, а из Новосибирска. Смотрите сюда.

На старом снимке молодые, улыбающиеся учёные стояли на фоне серого бетонного здания в Академгородке.

— Реальность такова, — Вероника постучала пальцем по столу. — В 1980 году в Сибирском отделении Академии наук СССР под строжайшим грифом «Секретно» по решению ЦК и Правительства СССР, создается СКБ ПГ, с сугубо мирным, маскирующим названием — Специальное Конструкторское Бюро Прикладной Геофизики. Задача — важнейший оборонный проект Союза. А теперь внимание: главным инженером и генеральным конструктором этого СКБ назначают Омелаева. Ему тогда не было и сорока, всего тридцать

пять лет.

Муж Светланы, до этого молча кутивший у окна, резко повернулся:

— Подожди. В Учёный совет этого СКБ ведь входили тяжеловесы? Михаил Михайлович Лаврентьев, директор Института математики, и сам Влаиль Казначеев?

— Именно, — кивнула Вероника. — Математический генерал Лаврентьев и исследования Казначеева по биоинформационным полям и клеткам сошлись в одной точке. В СКБ ПГ под руководством Омелаева. Они создавали не просто оборонный софт. Они, по-видимому, закладывали архитектуру для ИИ «Адам», используя нестандартную физику. Зеркала Козырева — это лишь верхушка айсберга, которой они экранировали свои вычисления от американской спутниковой разведки.

— Паш, что по цифровому следу тех лет? — Света повернулась к хакеру. Выведи на экран историческую справку о работах Академиков Лаврентьева Казначеева и Козырева.

Историческая справка - Википедия:

Сотрудники ИТПМ СО РАН (Институт теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН):

1. Главный научный сотрудник Омелаев А.И. 1968г. – 1995г. В период 1980г. – 1985г. – Главный инженер и генеральный конструктор СКБ ПГ СО АН СССР, (в 1982 году,

для маскировки переименованное в СКБ ВТ).

2. Главный научный сотрудник Максимов А.И. 1968г. – по настоящее время.

3. Николай Александрович Козырев (1908–1983) — выдающийся советский астрофизик, первооткрыватель лунного вулканизма. В годы сталинских репрессий он был осужден по сфабрикованному «Пулковскому делу» и провёл 10 лет в Норильлаге. Именно в заключении, оторванный от телескопов, Козырев разработал свою революционную теорию — **«Причинную механику»**.

Согласно его гипотезе, **время — это не просто абстрактная координата, а физическая активная энергия**, обладающая направленностью, плотностью и способностью переносить информацию со скоростью, превышающей скорость света. По расчётам учёного, фокусом для этой энергии могут служить любые вогнутые поверхности, особенно зеркально отполированный алюминий.

Уже в конце 1980-х и начале 1990-х годов под кураторством Сибирского отделения Академии медицинских наук СССР (в институте ИКЭМ) исследовательская группа под руководством **Влаиля Петровича Казначеева** построила первые физические аппараты, получившие название **«Зеркала Козырева»**. Это были свёрнутые по часовой и против часовой стрелки листы шлифованного алюминия (высотой до 2,8 метров), внутри которых, по свидетельствам участни-

ков экспериментов, экранировалось магнитное поле Земли, искривлялось восприятие времени и многократно усиливались биоинформационные и экстрасенсорные способности человека (телепатия, ясновидение).

4. Влаиль Петрович Казначеев, Академик АМН СССР (1924–2014) вошёл в историю науки благодаря фундаментальным трудам по адаптации человека в условиях Крайнего Севера и биоинформатике. Его главным и самым спорным научным триумфом стало Государственное открытие № 122 «Явление межклеточных дистантных электромагнитных взаимодействий», официально зарегистрированное Госкомитетом СССР по делам изобретений и открытий в 1973 году.

В ходе тысяч контролируемых опытов учёные ИКЭМ доказали, что две колонии живых клеток, полностью изолированные друг от друга оптическим кварцевым стеклом, способны обмениваться информацией на расстоянии. Когда одну из колоний заражали вирусом или ядом, клетки в соседней запечатанной колбе зеркально копировали патологический процесс и погибали, передавая «сигнал смерти» через сверхслабые электромагнитные (ультрафиолетовые) излучения. Именно этот биологический волновой код лёг в основу гипотезы о существовании единого информационного поля планеты.

5. Позиция Комиссии по борьбе с лженаукой АН СССР / РАН

Несмотря на официальную регистрацию открытия Казначеева в 1973 году, ортодоксальное научное сообщество встретило теории «времени-энергии» Козырева и «дистантных полей клеток» Казначеева в штыки. Волна критики нарастала годами. Механизмы Козырева критиковали физики-теоретики Л. А. Арцимович и П. Л. Капица, указывая на недостоверность погрешностей в его лабораторных весах.

После создания Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований (основанной по инициативе нобелевского лауреата В. Л. Гинзбурга) работы сибирской группы в Новосибирском Академгородке подверглись тотальной разгромной оценке.

Официальный вердикт Комиссии: Теории причинной механики Н. А. Козырева, эффекты Зеркал и «дистантный волновой геном» В. П. Казначеева были официально классифицированы как псевдонаука, торсионное шарлатанство и паранаучные спекуляции.

Научное обоснование: Эксперты Академии заявили, что результаты экспериментов в Зеркалах Козырева и эффекты бесконтактного заражения клеток не имеют под собой воспроизводимой доказательной базы, противоречат фундаментальным законам термодинамики и квантовой механики, а фиксируемые аномалии являются следствием некорректно настроенной измерительной аппаратуры и психосоматических галлюцинаций участников.

Именно этот жёсткий исторический раскол между академическими инквизиторами из Москвы и прорывными сибирскими практиками Омелаев использовал в романе как идеальный «щит конспирации»: пока официальная наука объявляла архивы лженаукой, Главный инженер СКБ ВТ прятал их на нижних ярусах своего гаража.

Пашка, не отрывая взгляда от бегущих по экрану строчек кода, хмыкнул со своей фирменной Бауманской иронией:

— Девчонки, те логи, которые оставил Омелаев в восьмидесятых, написаны на таком аппаратном уровне, что современный Python перед ними — как наскальная живопись. Он зашивал куски алгоритмов прямо в архитектуру советских ЭВМ. И Сашенька Максимова, как дочь новосибирских математиков, знала, где искать эти «пасхалки». Она пошла по архивам СКБ ПГ.

— Илья, — Вероника посмотрела на полевого агента. — Ваша со Светой задача — поднять личные дневники сотрудников СКБ тех лет. Нам нужно понять, в какой момент математика Омелаева превратилась в его ментальный дар. Что они там включили в 1983-м, раз старик теперь может превратить штурмовую группу в выводок первоклассников?

Илья усмехнулся, пряча зажигалку в карман:

— Задача — блеск. Искать то, не знаю что, в гнезде сибирских академиков. Вылетаем в Новосибирск ночным рей-

сом?

— Вылетаете, — отрезала Вероника. — Но помните: Демиург Омелаев из Геленджика видит это поле шпионской доски целиком. Не удивлюсь, если прямо сейчас, в своей «Шпионке. Книга 2», он уже неделю назад написал наш разговор...

5. Сибирские зеркала и Геленджикский затворник

В Новосибирском Академгородке стоял фирменный, пронзительный холод, пахнувший сосновой хвоей и вековой наукой. Илья и Света, кутаясь в лёгкие пуховики, пробирались по заснеженной тропинке к полузаброшенному корпусу, где в первой половине 1980-х начинало работать Специальное Конструкторское Бюро Прикладной Геофизики (СКБ ПГ) СО АН СССР.

Пашка из Москвы через защищенный канал уже вывел на их скрытые экраны оцифрованные архивы тех лет. Сухие строки советских отчётов дышали чистым безумием, которое тогда, под кураторством академиков Лаврентьева и Казначеева, считалось передним краем оборонной мысли.

— Света, глянь сюда, — Илья придержал тяжёлую дубовую дверь с облупившейся краской, за которой скрывался архив. — Пашка прислал выжимку. Вот над чем реально работал Омелаев.

В оперативной сводке СВР замелькали короткие, емкие

расшифровки архивных папок:

Эффект Казначеева: Доказанное в Новосибирске сверхслабое излучение живых клеток, способное передавать информацию на расстоянии. Омелаев перевел этот биологический код в бинарную матрицу для ЭВМ.

Зеркала Козырева: Специальные алюминиевые спирали, которые искривляли физическое время и экранировали ментальное поле. Внутри них скорость вычислений советских прото-нейросетей вырастала в тысячи раз, обходя любые законы термодинамики.

Математика Лаврентьева: Моделирование динамики взрыва и трансзвуковых потоков, превратившееся в алгоритм управления хаосом.

— Они создали замкнутую петлю времени внутри СКБ ПГ, — прошептала Света, чувствуя, как у неё закладывает уши. — Александр соединил геометрию пространства, клетки человека и кремниевые платы. Это и есть фундамент ИИ «Адам».

В этот момент реальность вокруг них мягко, беззвучно просела — словно они шагнули в густой прозрачный кисель. Стрелки механических часов Ильи резко крутанулись назад, а мобильный телефон Светы выдал на экране одну-единственную строчку: **ПРОТОКОЛ Сифа, доступ ограничен.** Тонкий, едва уловимый гул пошёл от стен старого здания, как будто гигантский советский суперкомпьютер, похороненный под бетонным фундаментом, до сих пор тихонько

дышал.

— Мама дорогая, — Илья нервно усмехнулся, проверяя табельное оружие, которое сейчас казалось абсолютно бесполезным куском железа. — Он нас видит. Света, старик из Геленджика прямо сейчас держит нас на прицеле своего текстового редактора. Давай попробуем выйти на прямую связь через Пашкин прокси-сервер? Нам нужен сам Автор.

Они попытались. Пашка бросил в сеть направленный пакет данных, пытаясь достучаться до IP-адреса в Краснодарском крае. Но наткнулся на глухую, монолитную стену космического масштаба.

А в это самое время в солнечном, тихом Геленджике, где море лениво лизало прибрежную гальку, 81-летний Александр Омелаев сидел на веранде своего дома. Перед ним стояла чашка горячего чая, а на экране ноутбука мерцали строчки новой главы.

Он прекрасно видел и панику Вероники на Лубянке, и то, как Илья со Светой мерзнут в Новосибирске, пытаясь взломать его сибирское прошлое. Ментальный дар предков и запущенные алгоритмы «Адама» давали ему абсолютное знание. Но Демиург лишь иронично улыбнулся и прикрыл глаза.

Протокол Адама и Сифа строго запрещал ему вмешиваться в дела землян. Земляне должны были сами распутать этот узел. Автор не имел права вступать в их шпионские игры, если только планете не грозило полное, необратимое уни-

чтожение.

Омелаев вспомнил эпизод, как легко и буднично он когда-то решил Иранский вопрос, когда перепуганный Президент США, описанный в одной из его книг, обратился к нему за конфиденциальной помощью. Александр тогда спокойно, по-сибирски доходчиво разложил американскому лидеру все геополитические карты. Тот не обиделся, всё понял и пошёл разруливать узел самостоятельно. И ведь что забавно — реальный конфликт на Ближнем Востоке начался ровно через полгода после того, как Омелаев поставил точку в той главе!

А история с Венесуэлой? Александр писал о Мадуро задолго до того, как туда попытался влезть Трамп. Омелаеву тогда пришлось оборвать главу на полуслове — и Президент в реальном мире послушно дописывал её своими указами и санкциями. Физическая реальность послушно шла за фантастикой Омелаева, словно нитка за иголкой. Эйнштейн был прав: реальность — это лишь стойкая иллюзия.

Александр сделал глоток чая и тихо хмыкнул, глядя на экран, где Пашка из Москвы безуспешно пытался пробить защиту «Адама».

— Ищите, ребята, ищите, — негромко произнес Александр в пустоту черноморского прибоя. — У вас есть десять суток до доклада Первому. Хвостик ниточки вы нашли, но сибирские зеркала Козырева так просто свои тайны не отдают. А я пока побуду сторонним наблюдателем.

Он решительно нажал клавишу **Ентер**, запечатывая канал связи и оставляя группу нелегалов один на один с загадками советского гиперзвука.

6. Геополитический доклад Власовой

В Москве Вероника встретила вернувшихся оперативников в том же закрытом аналитическом центре СВР. Илья и Света ещё не успели согреться после перелёта, а Пашка уже выводил на экраны новые, ошеломляющие результаты перекрестного анализа текстовых массивов Омелаева.

Вероника стояла у стола, скрестив руки на груди. Её взгляд, обычно холодный и расчётливый, сейчас выражал крайнюю степень ментального шока. Мозг профессора аналитики, прошедшей жёсткую школу Лэнгли, закипал и плавился.

— Садитесь, — глухо сказала Вероника, не дожидаясь, пока группа снимет куртки. — Ногами мы больше не работаем. Это бесполезно. Александр Омелаев просчитывает траектории наших перемещений быстрее, чем спутники ГЛО-НАСС передают координаты. Посмотрите, что откопал Пашка, пока вы летели над Уралом...

— Иранский вопрос, — Вероника жёстко ударила ладонью по столу. — Полгода! За полгода до реального обострения конфликта на Ближнем Востоке Омелаев в своей книге детально описывает обращение к нему Президента США за помощью. Он там американскому лидеру на пальцах, по-сибирски доходчиво объяснил, как этот узел разгрузить. И

что мы видим в реальности? Белый дом один в один повторяет шаги, прописанные в фантастическом романе ещё за полгода! Президент США всё понял, не обиделся и пошёл действовать строго по шпаргалке нашего автора!

Муж Светланы Илья, до этого изучавший распечатки алгоритмов ИИ «Адам», поднял голову:

— Вероника, это еще не всё. Посмотри на венесуэльский кейс Мадуро.

— Да знаю я! — Вероника едва сдерживала эмоции, её голос звенел от напряжения и профессионального бессилия. — Глава о Мадуро обрывается Омелаевым прямо на полуслове. И кто её дописывает в физической реальности? Трамп! Своими указами и санкциями Трамп послушно завершает сюжетную линию, которую Александр оставил в своем текстовом редакторе. Это не просто аналитика или дар предвидения. Автор живёт в Геленджике с полной грудью оптимизма, бодрости и невероятного драйва, транслируя в мир такую волну удачи и успеха, что вся мировая геополитика подстраивается под его рукопись! Эйнштейн был прав: реальность вокруг нас — это пластилиновая иллюзия, форму которой задаёт этот человек.

Совместная Коллегия центральных аппаратов ФСБ и СВР. Центральный монитор вспыхнул багровыми графиками временных совпадений. Вероника снова стояла на объединённой коллегии ФСБ и СВР. На этот раз круг генералов

сузился до пяти человек — тех, кто имел высший допуск к «Протоколу Адама».

— Товарищи генералы, — доклад Вероники был детальным, жёстким и ироничным на грани фола. — Наши оперативники вернулись из Новосибирска. На месте СКБ ПГ мы зафиксировали чёткие аномалии пространства-времени, связанные на старые работы Лаврентьева и Казначеева. Но главный вывод иной: мы имеем дело не с уставшим пенсионером, а с мощнейшим, бодрым Демиургом, который диктует правила игры крупнейшим ядерным державам. Иран и Трамп — тому прямое доказательство. Раньше я вам уже докладывала об аномальном совпадении текста книги «Шпионка» и реальности, написанной и опубликованной за полгода до начала нашей успешной операции «Студентка», проводимой в США, Брюсселе, Шанхае и Сингапуре. Повторяться не буду. Приведу вам сегодня другие, не менее обескураживающие данные из текстов «Автора».

Генерал-полковник СВР нахмурился, разглядывая распечатку главы про Белый дом:

— И каков твой вердикт, профессор Власова?

— Прекратить любые попытки силового давления или прямого шпионажа на земле, — отрезала Вероника. — Если мы попробуем разыграть против него классическую многоходовку, он просто закроет ноутбук, и половина Лубянки забудет, как пользоваться рациями. Наша единственная зацеп-

ка — это сбежавшая Саша Максимова. Она изучила «Серию Сиф» и пытается использовать коды «Адама» как пошаговое руководство. Но сам Автор... сам Автор держит нейтралитет. Протокол Сифа не позволяет ему вмешиваться в дела землян, пока нам не грозит полное уничтожение. Он даёт нам шанс проявить интеллект. У нас осталось ровно 8 суток до доклада Первому. И мы обязаны переиграть Сашу на её же поле — в поле чистой математики и сибирских архивов.

В подземном бункере Лубянки стало так тихо, что было слышно, как гудят трансформаторы бесперебойного питания. Генералы сидели неподвижно, глядя на экран, где Вероника Власова вывела новые рассекреченные файлы из Книги 1 «Серии Сиф». Её ирония стала ещё более острой, а в голосе зазвучали нотки профессионального азарта напополам с лёгким шоком.

— Если вам мало Ирана и Мадуро, товарищи генералы, то держитесь за кресла, — Вероника перелистнула слайд. — Год назад, за шесть месяцев до официальных мировых потрясений, Омелаев публикует первую книгу серии. В ней он с чисто сибирским юмором описывает, как устраивает... псевдокатастрофу личного самолета Дональда Трампа. Борт номер один отстреливает спасательную капсулу Президента, и он благополучно приземляется на необитаемый острове в Тихом океане. И наш Автор, полный сил, бодрости и оптимизма, лично, чудесным образом, туда прибывает, беседует с ним три часа тет-а-тет о необходимости создания нового

дееспособного аналога ООН. Учит его, так сказать, геополитическому уму-разуму под кокосовыми пальмами.

Один из генералов СВР нервно кашлянул:

— И?..

— И через полгода, после опубликования книги с описанием этого эпизода реальный Президент выходит к прессе и объявляет о создании Совета Мира — принципиально нового аналога ООН! — Вероника победно вскинула подбородок. — Но самое страшное в другом. В тексте Книги 1 Омелаев чёрным по белому указал точное число первых участников этого Совета — сорок четыре государства. Пашка проверил закрытые дипломатические протоколы, которые Трамп подписал на прошлой неделе. Там ровно сорок четыре подписи! Автор не просто угадал, он отформатировал реальность за полгода до её начала. Трамп на этом острове, судя по всему, подписал всё, что ему продиктовал Омелаев, и даже не пикнул!

Вероника сделала паузу, давая генералам переварить информацию, а затем добила зал финальным фактом:

— И последнее. Ликвидация Хаменеи на Ближнем Востоке. Наши аналитики три года строили модели, привлекали агентуру, высчитывали вероятности. Омелаев описал всю операцию до мельчайших деталей за полгода до того, как первая ракета оторвалась от пилона. С тем же фирменным

юмором и абсолютной точностью.

Генерал-полковник ФСБ медленно поднялся, опираясь тяжёлыми кулаками о дубовый стол:

— То есть, Вероника Михайловна, вы утверждаете, что гражданин Омелаев, находясь в Геленджике в прекрасном расположении духа, бодрый, успешный и абсолютно недосигаемый для наших инструкций, лёгким движением руки по клавиатуре перекраивает карту мира?

— Именно так, товарищ генерал-полковник. И делает он это с полным ощущением удачи и драйва. Он не играет против нас. Он просто пишет свою реальность, в которой мы — лишь персонажи второго плана. И если мы сейчас дёрнемся в Геленджик с глупыми вопросами, он просто перепишет сценарий, и мы окажемся где-нибудь на том самом необитаемом острове ловить кокосы. Наша задача — не трогать Демиурга. Он держит нейтралитет по Протоколу Сифа и Адама, пока Земле не грозит уничтожение. Мы должны доказать ему, что способны сами поймать Сашу Максимову, используя те крупницы математики Лаврентьева и Казначеева, которые Пашка и Света сейчас выковыривают из сибирских архивов.

Вероника выключила экран. В зале повисла звенящая, уважительная к докладу тишина. Время доклада Первому неумолимо приближалось, но теперь у группы нелегалов был чёткий маркер: они играли в мире, где удача и успех Автора были главной константой Вселенной.

7. Теорема Саши Максимовой

В то время как её сверстницы в новосибирском Академгородке стирали кеды о дворовый асфальт, прыгая в классики, маленькая Саша Максимова с увлечением чертила мелом на том же асфальте топологические пространства и многообразия. Подружки крутили пальцем у виска, а Сашенька искренне не понимала, как можно прыгать по клеткам от одного до десяти, если можно высчитать бесконечность. Гены родителей — потомственных математиков из ИМ СО РАН — просили в ней абсолютным, кристальным совершенством.

Затем был Томский мехмат. Там Саша окончательно укрепилась в мысли, что мир устроен гораздо изящнее, чем кажется обывателям. Её дипломная работа по нелинейной криптографии произвела такой тихий фурор в узких кругах, что прямо на выпускном к ней подошли двое вежливых мужчин в одинаковых серых костюмах. Так Саша получила приглашение, от которого в 2020 году выпускнице мехмата было невозможно отказаться, — её ждала Лубянка.

После года полевой практики последовала Академия ФСБ. Саша щёлкала государственные шифры как орехи. Но именно там, на вершине ведомственной аналитики, её настигло глубокое, горькое разочарование.

— И это всё? — иронично спрашивала она себя по ночам, глядя на экраны спецлаборатории. — Вся ваша хвале-

ная криптография — это просто громоздкие замки на гнилых деревянных дверях? Земная наука топталась на месте, пытаясь удержать секреты с помощью банального перебора простых чисел. Ей стало скучно.

Настоящий переворот в её сознании случился, когда в закрытых сводках она впервые наткнулась на полузабытые файлы оборонных проектов СССР. Там упоминалась триада сибирской науки: Козырев — Лаврентьев — Казначеев.

— Вот оно, — прошептала Саша, когда её глаза загорелись тем самым детским азартом. — Они искали не код. Они искали саму ткань пространства.

Но система умела брать в оборот. Согласно жёсткому протоколу доступа к гостайне, Саша не могла просто написать заявление и уйти на вольные хлеба. Процесс увольнения и «очистки» затянулся бы минимум на 10 лет, а после этого её ждал бы запрет на выезд за границу ещё на такой же срок. Двадцать лет жизни в запёртой коробке ради того, чтобы охранять убогие цифровые секреты? Нет, эта математическая модель Сашу категорически не устраивала.

И тогда гениальный Криптограф просчитала операцию «Побег в другую жизнь». Из всех вариантов она выбрала самый изящный и человечный, пусть и с лёгким привкусом иронии. Саша фиктивно вышла замуж за своего сокурсника по Академии. Парень был безответно и преданно влюблён в неё с первого курса. Он прекрасно понимал, что это брак на бумаге, просто юридический маневр для запутывания ве-

домственных ищек, но пошёл на это без колебаний. Он не предал её тогда и не выдал позже, обеспечив Саше идеальное юридическое алиби для постепенного ухода в тень.

Формула ночного сопротивления. Тяжёлая тишина в маленькой съёмной квартире Романа на окраине Москвы казалась почти осязаемой. За окном монотонно шумел холодный столичный дождь, разбиваясь о стёкла, а внутри, под тусклым светом кухонной лампы, решалась судьба, выходящая далеко за рамки ведомственных инструкций ФСБ.

Роман стоял у окна, его спина была напряжена до предела. Саша сидела на краешке старого дивана, поджав под себя ноги. На коленях у неё лежал раскрытый планшет, экран которого тускло подсвечивал её бледное, но абсолютно спокойное, упрямое лицо двадцатипятилетней симпатичной девушки.

— Ты с ума сошла, Сашка! Ты хоть понимаешь, что ты сейчас говоришь?! — Роман резко развернулся, его голос сорвался на глухой, эмоциональный полусёпот, полный отчаяния. Он подошёл к ней вплотную, его кулаки были сжаты так, что побелели костяшки. — Просто исчезнуть? Стереть себя? Из криптографической службы СВР и ФСБ не уходят по-английски! Тебя объявят в розыск. Тебя закатают под каток Системы, объявят предательницей, перебежчицей, да кем угодно! Ты перечеркнёшь не просто свою блестящую карьеру, Саш... Ты жизнь свою перечеркнёшь! Тебя найдут в любой точке этой чёртовой страны!

Саша подняла на него свои огромные, глубокие глаза, в которых не было ни капли страха — только кристальный, бодрый оптимизм человека, увидевшего истинную траекторию.

— Ромка, успокойся и послушай меня, — тихо, но со стальной уверенностью произнесла она. — Система ищет тех, кто бежит в её плоскости. А я ухожу по вертикали. Я улетаю в Новосибирск, домой. К родителям, на Морской проспект. Мне нужно вскрыть архивы Казначеева и Лаврентьева, понимаешь? Земная криптография — это убогая, закрытая коробка. А там, в Сибири, лежит ключ к совершенно другой физике.

— К какой физике, Саш?! К мистике? К торсионным полям, за которые Казначеева в девяностых объявили проповедником лженауки?! — Роман едва не ударил кулаком по столу от бессилия, пытаясь достучаться до любимой девчонки, которую он готов был защищать от всего мира. — Тебя же посадят!

Саша плавно поднялась, пододвинула планшет к самому его лицу и с лёгкой, ироничной ухмылкой Демиурга заглянула ему прямо в душу:

— Не посадят, Ромка. Потому что меня прикроет Тот, кто эту реальность конструирует. Смотри сюда. Прочитай эти книги. Это научно-фантастическая «Серия Сиф» Александра Омелаева на Литрес. Ты думаешь, это просто сказки для интернета? Этот бодрый сибирский технарь из ИТПМ,

бывший главный конструктор СКБ ПГ, в своих романах почти открыто, прямым текстом намекает, что наша заскорузлая земная реальность — это далеко не всё! Иллюзии, Рома, часто бывают гораздо реальнее, чем наше ограниченное ведомственное восприятие!

Она сделала шаг к нему, её голос зазвенел от искреннего, неудержимого эмоционального накала:

— Вспомни, что говорил великий Альберт Эйнштейн! Мемуары Сифа буквально пропитаны его формулами. *«Реальность — это лишь иллюзия, хотя и очень настойчивая»*. Эйнштейн доказал, что пространство и время пластичны, как пластилин, если знать точку резонанса! А ещё он говорил: *«Логика доведёт вас от пункта А до пункта Б. Воображение доставит вас куда угодно»*. Если ты не понимаешь меня, Рома, если ты думаешь, что я сошла с ума — то поверь хотя бы Сифу и Великому Эйнштейну! Они не могли ошибаться! Физический мир послушно идёт за мыслью Автора, и если я сделаю этот шаг, его удача и успех прикроют нас!

Этот яростный, эмоциональный разговор, балансировавший на грани крика и сжатых кулаков, тянулся через всю долгую московскую ночь. Роман метался по комнате, приводил аргументы из устава, пугал её заградотрядами, хватал за плечи, пытаясь удержать. А Саша стояла как скала, транслируя такую мощную, бодрую волну сибирской уверенности, что стены хрущёвки казались прозрачной иллюзией.

Уже под утро, когда первые блёклые лучи солнца косну-

лись крыш, Роман обессилено опустил на стул. Он посмотрел на эту хрупкую, но несокрушимую двадцатипятилетнюю девчонку, в глазах которой горел огонь будущего, и окончательно сдался. Мужчина внутри него проиграл великой формуле её любви к мистике и математике.

— Ладно... — тихо, с глухой тоской выдохнул он, беря её за руку. — Чёрт с ним, с Эйнштейном, и с твоим Сифом. Но одну константу твой Автор изменить не сможет. Я тебя люблю. И одну ты в эту Сибирь не полетишь. Давай сюда свои бланки из ЗАГСа. Будем менять тебе фамилию, Сашенька. Распишемся тихо, без свидетелей, прикроешься моей фамилией как щитом — и лети к своим зеркалам. А я останусь здесь, ловить удары Лубянки.

Саша счастливо, эмоционально вскрикнула, бросаясь ему на шею. Ночная битва была выиграна, а на экране Литресе в этот самый момент бодрый Автор в Геленджике с улыбкой поставил точку в конце этой сложной, ещё неделю назад написанной главы.

Она «неофициально» уволилась «по семейным обстоятельствам», растворилась в бескрайних просторах России и уехала назад, в Сибирь, под крыло родителей. Теперь, скрываясь в тихой квартире Академгородка, Саша Максимова с утра до ночи изучала архивы Сибирского отделения АН СССР. Она поняла то, до чего Вероника на Лубянке додумалась только сейчас: «Серия Сиф» Омелаева — это не фантастика. Это рабочий учебник по управлению реальностью. И

Саша уже перевернула первую страницу.

8. Формула операции Власовой - «Беглец»

Официальная версия по делу «Беглец» гласила: Максимова не стала писать рапорты. Она прекрасно понимала, что бюрократическая машина Лубянки сожрёт любое заявление об уходе, превратив её жизнь в бесконечные допросы. Поэтому она поступила как истинный математик — просто исключила себя из уравнения.

В один из дождливых вторников 2024 года гениальный Криптограф зашла в метро на станции «Лубянка» и... не вышла ни на одной из станций. Её цифровой след оборвался мгновенно. Телефон остался в урне у перехода, банковские карты замерли, а камеры распознавания лиц, перенастроенные Пашкой ещё во время их совместной учёбы, выдавали на её маршруте сплошные слепые пятна. Система объявила её в розыск как «пропавшую без вести при невыясненных обстоятельствах». Большинство аналитиков сошлись на худшем: ликвидация иностранной разведкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.